

Олег Николаевич Фенчук родился в 1970 году в городе Воронеже. Окончил филологический факультет и аспирантуру Воронежского государственного университета. Кандидат филологических наук. Служил в Военно-космических силах РФ, в ОМОНе при ГУВД Воронежской области. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Работает старшим научным сотрудником Воронежского областного Литературного музея. Автор многих научных статей о творчестве И.А. Бунина. Живет в Воронеже.

Олег Фенчук

«ПОЗНАЛ ВОСТОРГ — ПОЗНАЙ СТРАДАНИЕ...»

(Контрасты Игоря Северянина)

В этом году исполнилось 135 лет со дня рождения Игоря Северянина, поэта, воплотившего в себе образ яркого представителя эпохи Серебряного века. Эпатаж, характерный для доминирующего литературного направления той эпохи — символизма, в полной мере характеризует личность этого поэта. Появлением своих произведений на страницах журналов Игорь Северянин обязан Льву Толстому — тот обрушился с ругательствами на молодого автора и тем самым акцентировал внимание читателей на его личности. Скандальный случай произошел в 1909 году. Писатель И. Наживин вспоминал, что Лев Николаевич, услышав стихи из брошюры «Интуитивные краски», изданной Игорем Северяниным, негодовал: «Чем занимаются!.. Это литература! Вокруг — виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упрямость пробки». Слова корифея русской литературы стали достоянием общности и вызвали стойкую волну интереса к творчеству Игоря Лотарева, взявшего литературный псевдоним — Северянин. Прежде произведения поэта пылились в редакциях газет и журналов, но после этой знаменательной истории стихи Игоря Северянина опубликовали ведущие издания. Он вошел в моду среди читателей.

Не будет преувеличением сказать, что Игорь Северянин стал лицом эпохи Серебряного века. Своим обликом и поведением он напоминал известных поэтов-модернистов. В нем сочеталась загадочность Валерия Брюсова, романтизм Александра Блока, надменность Владимира Маяковского. Однако это не было простым копированием особенностей внешности и поступков известных людей — Игорь Васильевич обладал неповторимой харизмой. Он настойчиво работал над созданием образа изысканного поэта-кумира. Высокий рост, живая орхидея в петлице длиннополого сюртука, вышедшего из моды, чтение стихов в декламативно-напевном тоне, подчеркнутая отстраненность от сидящих в зале позволяли ему выделяться в пестром и оригинальном сонме поэтов-модернистов.

Новаторские поиски начинающего литератора не ограничивались экспериментами в области формы стиха, они простирались и на словотворчество. Свои стихотворения автор называл «поэзами», по всей видимости, по аналогии со словами «греза, теза, диез, полонез» — «поэза». Игорь Северянин известен как автор многих неологизмов. Среди них можно привести такие, как «татарство», «южно», «богемцы» и др., где слова приобретали новые, нехарактерные для них ранее значения. В этом отношении он шел в русле общих тенденций того времени — век модерна изобилует «словогенерацией».

Поэзы Игоря Северянина отличала мелодичность, ритмичность, напевность. И здесь чувствовалось влияние Константина Фофанова, музыкальность произведений которого отмечена большинством критиков и литературоведов. Многие из результатов художественных исканий Константина Михайловича заимствовал его ученик. Творчество К. Фофанова для И. Северянина имело важное значение. Юный поэт тесно общался с учителем, перенимал опыт и развивал в своих стихах его достижения. Ученик посвятил наставнику сборник «Лунные тени» (1908) и ряд стихотворений, среди которых «У К. М. Фофанова», «Великому современнику», «Над гробом Фофанова», «На смерть Фофанова», «Поэза о Фофанове». Игорь Северянин отметил: «Ни у одного из русских поэтов нет того, что вы найдете у Фофанова относительно северной весны: ее души, ее аромата, повторяю, почти недушистого, но такого пленительного своими возможностями, что эта недушистость душистее всякого яркого аромата, ибо в ней он только подразумевается, не передан, не запечатлен и, именно в силу этого обстоятельства своей неопределенности, насыщен истинным свойством благоухания точного, неприкрашенного, непреувеличенного ничем. Вот это-то и есть, по-моему, отличительная черта его лирики, в этом-то и таится вся ее душа — все ее непередаваемое обаяние, которое не подлежит никаким анализам, никакой формулировке». Константин Фофанов посвятил Игорю Северянину серию стихотворений.

В контексте развития русской литературы периода Серебряного века Игорь Северянин стал явлением неслучайным. В его творчестве нашли свое преломление литературные новшества — символистские образы, ставшие трафаретными в сознании массового читателя, футуристические откровения, шокирующие эгоистическим восприятием мира. В 1911 году в печати появился стихотворный манифест «Пролог. «Эго-футуризм», в котором Северянин говорил о создании новой поэтической школы. Эгофутуризм в дословном переводе с латыни значит: «Я — будущее». Вокруг автора манифеста в кружке «Эго» объединились молодые поэты К. Олипов, Грааль-Арельский (С. Петров), Г. Иванов. В переписку с главой школы вступил Валерий Брюсов. Позже Игорь Северянин вспоминал: «Осенью 1911 г. — это было в Петербурге — совершенно неожиданно, ибо я даже знаком с Брюсовым не был, я получил от него, жившего постоянно в Москве, чрезвычайно знаменательное письмо и целую кипу книг: три тома “Путей и перепутий”, повесть “Огненный ангел” и переводы из Верлена. На первом томе стихов была надпись: “Игорю Северянину в знак любви к его поэзии. Валерий Брюсов”».

В 1913 году после выхода первого тома стихотворений «Громокипящий кубок» к нему пришла всероссийская популярность. Через год вместе с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской он отправился в свое первое поэзоконцертное турне по России. Это время стало пиком популярности молодого литератора. Чарующие выступления авторов-исполнителей вызвали бешеный интерес поклонников. Завороженная своеобразной музыкальной манерой чтения публика встречала поэта с восторгом. Игорь Северянин большими размеренными шагами пересекал сцену, читал стихи нараспев, не глядя в зрительный зал. Манерное поведение было продиктовано общей атмосферой Серебряного века: желанием жить по канонам искусства. Слава об оригинальном авторе-исполнителе прокатилась по всей России. Под окнами его дома в Петербурге ночевали поклонницы. Известны случаи, когда почитатели таланта распрягали лошадей и сами везли его экипаж. Так было в Керчи и Симферополе. Часто после выступлений к его ногам летели драгоценные украшения экзальтированных поклонниц.

Популярность — дама непостоянная. За славой последовало охлаждение, а позже и забвение. В годы Первой мировой войны Игорь Северянин выпускает новые сборники стихотворений — «Анафасы в шампанском», «Наши дни», «Поэзоантракт». Эти книги, несмотря на формальное новаторство, не вызвали былого восторга, который сопровождал «Громокипящий кубок». Критика выдвигала претензии к тем особенностям поэзии Игоря Северянина, за которые когда-то хвалила произведения поэта. Его ругали за эпатаж, использование иностранных, вычурных и выдуманных слов. Строгий критик Валерий Брюсов отозвался в этот период о нем следующим образом: «Как только Игорь Северянин берется за тему, требующую преимущественно мысли... бессилие его обнаруживается явно».

Действительно, стихи могли волновать публику лишь некоторое время — их основным достоинством была необычная форма, содержание оказывалось банальным. Талант поэта проявил себя в музыкально-ритмической организации стихотворений. Северянин — поэтический мастер контраста, формы, мелодии. Его стихи чаруют ворожкой звуков, аллитерацией и ассонансом, математическим расчетом размера и метра. Содержательная сторона его поэзии второстепенна, трудно назвать произведения этого модного до революции автора философскими, исполненными скрытых смыслов и значений. И жизнь, и творчество Игоря Северянина прошли под знаком поэтической легкости бытия.

Исполнительский дар принес литератору славу поэтического декламатора. Его стремление быть демиургом — и создателем, и исполнителем — нашло свое полное воплощение. Поэт не вступал в живой контакт с аудиторией, не эпатировал публику наигранными актерскими манерами; вместе с тем, не стремился и к естественности. Специфика Северянина-декламатора состояла в хорошо поставленном, индивидуально-окрашенном голосе с особой музыкальной интонацией. Эту манеру чтения Игорь Васильевич практически потерял в Эстонии, где жил после 1918 года. Выступая на гастролях перед эмигрантской публикой, он пытался воскресить дореволюционный прием напевного чтения, но терпел неудачи.

Тем не менее, Игорь Северянин получил титул Короля русской поэзии. Про-

Игорь Северянин

изошло это 27 февраля 1918 года в Политехническом музее в ходе вечера «Избрание короля поэтов». К сожалению, достоверных воспоминаний о том дне в целом не сохранилось. Мемуары свидетелей конкурса поэтов содержат противоречивые сведения, не позволяя точно воспроизвести поэтическое соревнование. Сохранились утверждения, что в мероприятии принимали участие немногочисленные поэты, в основном — футуристы. Другие источники указывают, что на призыв организаторов вечера откликнулось довольно много поэтов и даже просто случайных людей. Третьи очевидцы событий называют разные фамилии присутствующих и состязавшихся поэтов. Однако все сходится в том, что в конкурсе Игорь Северянин обошел Владимира Маяковского несколькими голосами. Посвящение носило довольно шуточный оттенок, но поэт отнесся к титулу серьезно.

В это же время Игорь Васильевич уезжает в эстонский поселок Тойла, на балтийское побережье, вместе с больной матерью. В этих местах поэт неоднократно отдыхал летом, начиная с 1912 года. Интервенция и немецкая оккупация Эстонии не позволили ему вернуться на Родину. В 1921 году умерла его мать, в том же году он вступил в брак с Фелиссой Михайловной Круут — юной поэтессой. Эта встреча могла бы стать последней любовью Игоря Северянина, но что-то помешало воплощению мечты:

Твой первый взгляд явил мне чудо
(Он — незабвенный амулет!);
И ты меня искала всюду,
Как я тебя, пятнадцать лет!

В эти годы Игорь Васильевич много гастролирует, в основном за границей — Берлин, Париж, Варшава, Прага, Белград. Его жизнь неоднократно подвергается опасности: землетрясение в Бухаресте, крушение поезда в Югославии. Поэт относится к этим событиям с некоторой долей иронии, надеясь на свою удачливость. В стихотворении «Гармония контрастов» он пишет:

Летишь в экспрессе — жди крушенья!
Ткань доткана — что ж, в клочья рви!
Нет творчества без разрушенья —
Без ненависти нет любви...

Жизнь поэта наполнена впечатлениями, опасностями, любовью. Именно любовь управляла жизнью Игоря Северянина. Его романы не имели счета, однако объяснение их многочисленности кроется в невозможности найти ту единственную и неповторимую женщину: «Так за второй встречалась третья, / Но не было меж них тебя...». Стихотворение «Гармония контрастов» образно отражает процесс эволюции поэта, несет в себе гармонию противоположных оценок, сочетание положительного и отрицательного, того, что делает существование человека насыщенным красками бытия:

Познал восторг — познай страданье.
Раз я меняюсь — я живу...
Застыть пристойно изваянью,
А не живому существу!

Удивительный факт — Игорь Васильевич, прожив с 1918 по 1941 год в Эстонии, не знал эстонского языка, что не мешало переводить эстонских поэтов благодаря помощи супруги. В 1929 году выходит антология «Поэты Эстонии» — избранное из переводов на русский язык. Противоположности, о которых он писал в стихотворении «Гармония контрастов», сопровождали его всегда. Жизнь Игоря Северянина — это свидетельство непостоянства славы, любви, успеха.

Последние годы И. Северянин провел в однообразии работы, повседневной будничности существования. Это время не было наполнено событиями, делающими реальность насыщенной, бурной и яркой. В сердце жила светлая любовь, а был был омрачен материальными лишениями, нищетой из-за невозможности печататься, болезнью и по этой причине отсутствием поэтических вечеров. Пришлось оставить жизнь в милом сердцу Тойла и переехать в Таллин. Игорь Северянин признавался в письме к другу «Минутами я чувствую, что я не вынесу безработицы, что никогда не оправлюсь в этом климате, в этой комнате, вообще — в этих условиях. Душа тянется к живому труду, дающему право на культурный отдых. Последние силы иссякают в неопределенности, в сознании своей ненужности. А я мог бы, мне кажется, еще во многом быть полезен своей обновленной родине! И нельзя жить без музыки. Без стихов. Без общения с тонкими и проникновенными людьми. А здесь — пустыня, непосильный труд подруги и наше общее угасание. Изодня в день» (17 января 1941 года).

Жизнь Игоря Северянина была наполнена контрастами: любовью женщин и завистью коллег, периодами благосостояния и бедности, шумной славой и незаслуженным забвением. Северянин умер 20 декабря 1941 года в оккупированном немцами Таллине. Мастер поэтического слова предвидел свое одиночество и равнодушие публики, но надеялся на память посмертную. На могильном камне поэта выбиты строфы его стихотворения как метафора надежды на вечную память: «Как хороши, как свежи будут розы, / Моей страной мне брошенные в гроб...».

